

1891–1940

«Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома... тупые и зверские лица... Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных, запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел и понял окончательно, что произошло».

М. А. Булгаков

классика
В
кармане

классика в кармане

М. А. БУЛГАКОВ

классика
в кармане

Белая гвардия

М. А. БУЛГАКОВ

классика
в кармане

«“Белая гвардия” — это упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение русской интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы Гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях “Войны и мира”».

«Роман этот я люблю больше всех других моих вещей».

М. А. Булгаков

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

М. А. БУЛГАКОВ

Белая гвардия

Белая гвардия

*классика
в кармане*

М. А. БУЛГАКОВ

Белая гвардия

Москва
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)
Б90

Проект Д. Е. Веселова

Печатается по изданию:
Булгаков М. А. Белая гвардия. – М. : Издательство «Наш дом —
L'Age d'Homme», 1998.

Вступительная статья и комментарии И. Н. Сухих

В оформлении обложки использован фрагмент картины
А. В. Лентулова «Улица в Сергиевом Посаде»

Иллюстрации — репродукции с картин: К. Е. Маковского
«Петербургский дворик» (с. 12), К. С. Петрова-Водкина «Смерть
комиссара» (с. 138), Б. М. Кустодиева «27 февраля 1917 г.» (с. 143),
И. И. Бродского «Зима» (с. 232).

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

БУЛГАКОВ Михаил Афанасьевич

Белая гвардия

Первая редакция романа

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Е. М. Залипаева*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залипаева*

Подписано в печать 17.05.2013. Формат 76x100/32.

Усл. печ. л. 14, 07. Тираж 3000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

www.ttornado.com.ua

Украина, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353- 552-8 (БММ)
ISBN 978-966-14-5622-7 (КСД)

© М. А. Булгаков. Наследники, 2013
© И. Н. Сухих, вступительная статья,
комментарии, 2013
© Nemiroltd, 2013
© ЗАО «Фирма Бергельсманн Медиа
Москва АО», 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

Гибель Дома: первый роман Булгакова

История создания «Белой гвардии» кратко изложена в начале другой, неоконченной, книги.

«Он зародился однажды ночью, когда я проснулся после грустного сна. Мне снился родной город, снег, зима, гражданская война... Во сне прошла передо мною беззвучная вьюга, а затем появился старенький рояль и возле него люди, которых нет уже на свете. Во сне меня поразило мое одиночество, мне стало жаль себя. И проснулся я в слезах. <...>

Дом спал. Я глянул в окно. Ни одно в пяти этажах не светило, я понял, что это не дом, а многоярусный корабль, который летит под неподвижным черным небом. Меня развеселила мысль о движении. <...> Так я начал писать роман. <...>

Однажды ночью я поднял голову и удивился. Корабль мой никуда не летел, дом стоял на месте, и было совершенно светло. Лампочка ничего не освещала, была противной и назойливой. Я потушил ее, и омерзительная комната предстала предо мною в рассвете. На асфальтированном дворе воровской беззвучной походкой проходили разноцветные коты. Каждую букву на листе можно было разглядеть без всякой лампы.

— Боже! Это апрель! — воскликнул я, почему-то испугавшись, и крупно написал: «Конец» («Записки покойника», гл. 2).

Жанровыми ориентирами для первого романа Булгакова, безусловно, были Пушкин (эта связь подчеркнута уже в эпиграфе) и Лев Толстой, любовно-иронически упоминаемый в тексте. «Если угодно знать, “Войну и мир” читал... Вот, действительно, книга. До самого конца прочитал — и с удовольствием. А почему? Потому что писал не оборот какой-нибудь, а артиллерийский офицер», — оправдывается в своей необразованности Мышлаевский во время карточной игры.

Один из критиков предлагал назвать толстовскую эпопею чуть по-иному: «*Война и семья*». На этом контрасте строится и булгаковская книга. Мира здесь много меньше, чем в толстовском романе, его с большим трудом пытаются сохранить в турбинском доме. Вокруг же задувают ветры истории — без всякой надежды на близкое спокойствие.

«Белая гвардия» свободно сочетает традиции исторической хроники и семейного романа. Эти же два семантических пласта

отражают эпитафии: символический буран «Капитанской дочери» сменяется фразой Апокалипсиса.

Главным местом действия и, пожалуй, главным романым символом становится Дом. Наверное, никогда ранее русская литература не знала такой апологии быта, семейных связей, житейского уюта. Герои старой литературы, Гончарова, Тургенева, Чехова, покидали свои дворянские гнезда и вишневые сады по собственной воле или неволе — но с надеждой на лучшее будущее. Мир вокруг не был враждебен их дому. Для персонажей «Белой гвардии» Дом остается якорем, последней надеждой, святыней в страшном переворотившемся мире.

Дом еще стоит, но он обречен. Семья пока еще почти в целости, но это ненадолго. Новое небо и новую землю удастся увидеть не скоро и не всем.

Дом Турбиных является исходной точкой повествования и местом финала. Но вокруг него Булгаков выстраивает сложную мозаику, в которой находится место соседу Василисе, Петлюре, гетману, футуристу-цинику Шполянскому, герою-полковнику Най-Турсу, пророчествующему сифилитику Русакову, женщине-спасительнице Юлии Рейсс, мальчишке Петьке Щеглову. Множество безмянных персонажей появляются в массовых сценах, которые Булгаков тоже пишет по-толстовски, как выявление психологии толпы, коллективных настроений, страхов и фобий.

Голос и позиция повествователя при этом далеки от эпической объективности. «Я люблю указать, кто сволочь», — говорил, кажется, Маяковский. В безумии наступивших времен Булгаков сохраняет четкие нравственные ориентиры. «Сволочь» — заботящийся о своей шкуре Тальберг. Вполне достоин его и Шполянский, со вкусом предающий своих бывших соратников. Омерзительны погромщики-петлюровцы.

На противоположном полюсе — полковник Най-Турс, герой, который жертвует жизнью «за други своя», спасая растерянных мальчишек-юнкеров, включая Николку Турбина, этого булгаковского Николая Ростова.

Но и военные, и штатские, связанные с семьей Турбиных, — при всех своих недостатках — обладают человеческой значительностью и внутренним обаянием.

Рыжая, прекрасная Елена, похожий на молодого щенка Николка, фатоватый враль Шервинский, «военная косточка» Студзинский, нелепый Лариосик — создают целостный образ того уходящего на дно мира, символом которого стал белый цвет и ласковый снег Города.

Они пытаются жить, как прежде. Похоронив мать, Елена берет на себя роль хозяйки дома: заботится, волнуется, хлопочет,

страстно молится за брата, собирает семью за столом. Пережив предательство мужа, она привычно находит новое мужское плечо, к которому можно прислониться. Старые привычки, перенесенные в новую реальность, создают ощущение какого-то обаятельного гротеска. Лариосик прибывает из Житомира к малознакомым родственникам с завернутым в рубашку собранием сочинений Чехова (родственники всегда должны помогать, пусть даже вокруг рушится мир).

Может быть, самым поразительным в поведении Турбиных и их близких являются попытки сохранить семейные традиции и старые ценности после взрыва атомистической бомбы.

Старая российская история *прекратила течение свое*. Император Александр, победитель Наполеона, со всеми своими войсками не может спасти и охранить гибнущий турбинский дом. А они опять все так же собираются в гостиной с кремowymi шторами, смеются, наигрывают марш «Двуглавый орел», строят планы на будущее.

Однако лучшие булгаковские герои — очередные *лишние люди* и первое *потерянное поколение* новой эпохи, утратившее монарха, империю, родину. От монархии им остались лишь ненужная присяга и бремя чести, от империи — островок Дома посреди бушующих самостийных бурь, от родины — горсточка родных и друзей.

В последней главе «Белой гвардии» Булгаков волевым авторским усилием еще сохраняет зыбкое равновесие ужаса и надежды.

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции 2-й».

Вслед за этим пророчеством-констатацией следует очередное убийство петлюровцами несчастного еврея (кажется, этот труп мучит сознание героя «Записок покойника»: с воспоминания об убитом и звуков гармонике начинается роман «Черный снег»).

Но то ли молитва сестры, то ли снадобья доктора спасают Алексея, Елена находит новую мужскую опору, все близкие пока еще живы, и расцветает в финале сюита сновидений, обнажающая страхи героев и проясняющая их мечты.

Турбин-старший убегает от пуль, все-таки гибнет во сне и просыпается со слабой улыбкой и надеждой, что Петлюры больше не будет никогда.

Читающий Апокалипсис библиотекарь Русаков от вынесенных в эпитафию строк о Страшном суде переходит к словам о новом небе и новой земле, избавляется от своей болезни и страха жизни.

Часовому у бронепоезда «Пролетарий» видятся то пятиконечная звезда, Марс заполняющая, в конце концов, отражениями весь небосвод, то зарытая в снегах родная деревня Малые Чугры.

Во сне Елены попеременно появляются Тальберг с рождественской звездой, поющий арию Демона, и Николка с окровавленной шеей и венчиком с иконками на лбу, поющий частушку «А смерть придет, помирать будем».

Наконец, Петька Щеглов видит сверкающий алмазный шар на лугу, обдающий его сверкающими брызгами. Ребенок со своим счастливым сном — едва ли не контрастная рифма к эпилогу «Войны и мира», где вещей сон о будущих катаклизмах видит Николенька Болконский. Содержание же этого сна напоминает о сне другого толстовского героя, Пьера Безухова.

Финальные строки романа — своеобразное стихотворение в прозе, но уже не экзальтированно-сентиментальное, как в начале, а пророчески-возвышенное, философское. Творится грандиозная мистерия природы: расцветает ночь, занавес Бога покрывается чистыми звездами, за ним, где-то в неизмеримой высоте, служат всенощную и зажигают огоньки в алтаре. Однако крест над храмом Святого Владимира превращается «в угрожающий острый меч».

«Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле... Нет ни одного человека на земле, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим мира, не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?» — задает повествователь последний безответный вопрос.

Подобную точку зрения Булгаков демонстрирует и еще раньше, в пятой главе. В сне Алексея Турбина убитый еще в шестнадцатом году вахмистр Жилин является к Богу в рай, встречается там еще живого в основном романном времени Най-Турса и с удивлением узнает, что по соседству апостол Петр уже приготовил огромную казарму для большевиков, погибших на Перекопе. На недоуменный вопрос, как можно допускать туда безбожников, Бог, как мудрый деревенский старик, отвечает: «Ну не верят, говорит, что ж поделаешь. Пушай. Ведь мне-то от этого ни жарко, ни холодно. Да и тебе, говорит, тоже. Да и им, говорит, то же самое. Потому мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут так надо понимать, все вы у меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные. Это, Жилин, понимать надо, и не всякий это поймет. Да ты, в общем, Жилин, говорит, этими вопросами себя не расстраивай. Живи себе, гуляй».

Беда в том, что в «годину смуты и разврата» такие сны видит лишь художник.

И. Н. Сухих

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

*Посвящается
Любови Евгеньевне Белозерской*

Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло.

— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!

«Капитанская дочка»

И судимы были мертвые по написанному в Книгах сообразно с делами своими...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции 2-й. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская — вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс.

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?

Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжких походов, службы и бед вернулся на Украину в Город, в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго, что на Взвозе.

Когда отпевали мать, был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна. Отец Александр, от печали и смущения спотыкающийся, блестел и искрился у золотеньких огней, и дьякон, лиловый лицом и шеей, весь ковано-золотой до самых носков сапог, скрипящих на ранту, мрачно рокотал слова церковного прощания маме, покидающей своих детей.

Алексей, Елена, Тальберг и Анюта, выросшая в доме Турбиной, и Николка, оглушенный смертью, с вихром, нависшим на правую бровь, стояли у ног старого коричневого Святителя Николы. Николкины голубые глаза, посаженные по бокам длинного птичьего носа, смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконостас, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик Бог, моргал. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение?

Улетающий в черное, потрескавшееся небо Бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему.

Отпели, вышли на гулкие плиты паперти и проводили мать через весь громадный город на кладбище, где под черным мраморным крестом давно уже лежал отец. И маму закопали. Эх... эх...

*

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырьчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались

прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий.

Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовой, Капитанской Дочкой, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, — все семь пыльных и полных комнат, выросших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила:

— Дружно... живите.

*

Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину старшему — молодому врачу — 28 лет. Елене — 24. Мужу ее, капитану Тальбергу — 31, а Николке — 17 с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера, и метет, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром. Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее. На севере воеет и воеет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей.

Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала детям:

— Живите.

А им придется мучиться и умирать.

Как-то, в сумерки, вскоре после похорон матери, Алексей Турбин, придя к отцу Александру, сказал:

— Да, печаль у нас, отец Александр. Трудно маму забывать, а тут еще такое тяжелое время... Главное, ведь только что вернулся, думал, наладим жизнь, и вот...

Он умолк и, сидя у стола, в сумерках, задумался и посмотрел вдаль. Ветви в церковном дворе закрыли и домишко священника. Казалось, что сейчас же за стеной тесного кабинетика, забитого книгами, начинается весенний, таинственный спутанный лес. Город по-вечернему глухо шумел, пахло сиренью.

— Что сделаешь, что сделаешь, — конфузливо забормотал священник. (Он всегда конфузился, если приходилось беседовать с людьми.) — Воля Божья.

— Может, кончится все это когда-нибудь? Дальше-то лучше будет? — неизвестно у кого спросил Турбин.

Священник шевельнулся в кресле.

— Тяжкое, тяжкое время, что говорить, — пробормотал он, — но унывать-то не следует...

Потом вдруг наложил белую руку, выпростав ее из темного рукава ряски, на пачку книжек и раскрыл верхнюю, там, где она была заложена вышитой цветной закладкой.

— Уныния допускать нельзя, — конфузливо, но как-то очень убедительно проговорил он. — Большой грех — уныние... Хотя кажется мне, что испытания будут еще. Как же, как же, большие испытания, — он говорил все увереннее. — Я последнее время все, знаете ли, за книжечками сижу, по специальности, конечно, больше все богословские...

Он приподнял книгу так, чтобы последний свет из окна упал на страницу, и прочитал:

— «Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь».

Итак, был белый, мохнатый декабрь. Он стремительно подходил к половине. Уже отсвет Рождества чувствовался на снежных улицах. Восемнадцатому году скоро конец.

Над двухэтажным домом № 13, постройки изумительной (на улицу квартира Турбиных была во втором этаже, а в маленький, покатый, уютный дворик — в первом), в саду, что лепился под крутейшей горой, все ветки на деревьях стали лапчаты и обвисли. Гору замело, засыпало сарайчики во дворе — и стала гигантская сахарная голова. Дом накрыло шапкой белого генерала, и в нижнем этаже (на улицу — первый, во двор под верандой Турбиных — подвальный) засветился слабенькими желтенькими огнями инженер и трус, буржуй и несимпатичный, Василий Иванович Лисович, а в верхнем — сильно и весело загорелись турбинские окна.

В сумерки Алексей и Николка пошли за дровами в сарай.

— Эх, эх, а дров до черта мало. Опять сегодня вытащили, смотри.

Из Николкиного электрического фонарика ударил голубой конус, а в нем видно, что обшивка со стены явно содрана и снаружи наскоро прибита.

— Вот бы подстрелить чертей! Ей-Богу. Знаешь что: сядем на эту ночь в караул? Я знаю — это сапожники из одиннадцатого номера. И ведь какие негодяи! Дров у них больше, чем у нас.

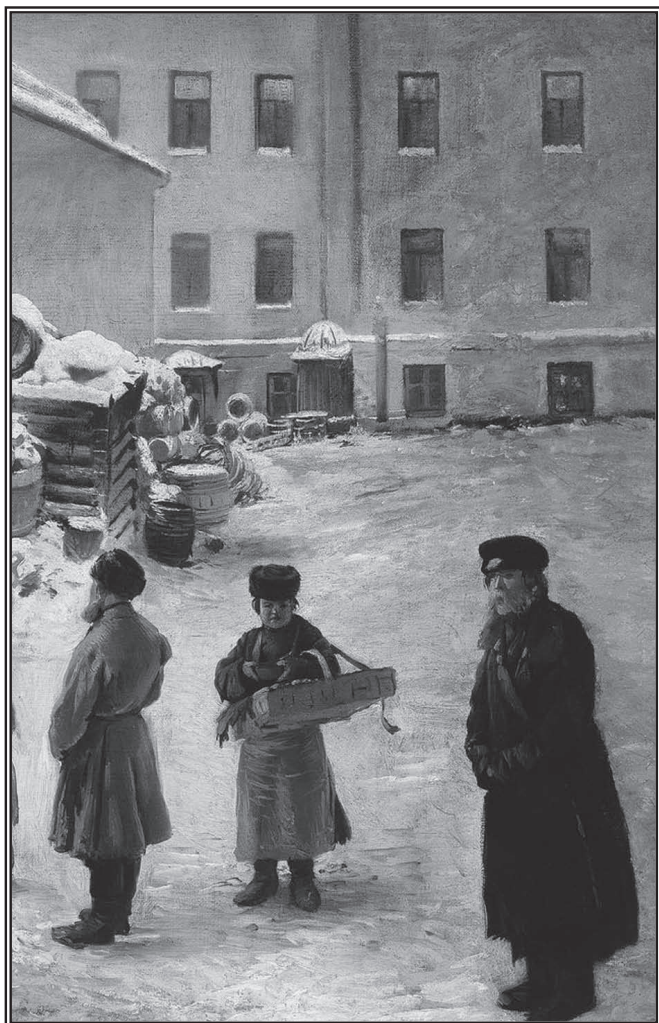
— А ну их... Идем. Бери.

Ржавый замок запел, осыпался на братьев пласт, поволокли дрова. К девяти часам вечера к изразцам Саардама нельзя было притронуться.

Замечательная печь на своей ослепительной поверхности несла следующие исторические записи и рисунки, сделанные в разное время года рукою Николки тушью и полные самого глубокого смысла и значения:

Если тебе скажут, что союзники спешат к нам на выручку, —
Не верь. Союзники — сволочи.

Он сочувствует большевикам.

*...на улицу квартира Турбиных была во втором этаже,
а в маленький, покатый, уютный дворик — в первом...
В сумерки Алексей и Николка пошли за дровами в сарай.*

— Искусник, — ответил Шервинский.
— Кондотьер! Кондотьер, — кричала Елена.
— Простите, — ответил двуцветный кошмар, — всего по два, всего у меня по два, но шея-то у меня одна и та не казенная, а моя собственная. Жить будем.

А смерть придет,
Помирать будем... —
Пропел Николка и вышел.

В руках у него была гитара, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками. Елена мгновенно поняла, что он умрет, и горько зарыдала и проснулась с криком в ночи. И ночь все плыла да плыла.

* * *

И, наконец, Петька видел сон.

Петька был маленький, поэтому он не интересовался ни большевиками, ни Петлюрой, ни любовью взрослых. Поэтому и сон привиделся ему простой и радостный, как солнечный шар.

Будто бы шел Петька по зеленому большому лугу, а на том лугу лежал сверкающий алмазный шар больше Петьки. Во сне взрослые, когда им нужно бежать, прилипают к земле, стонут и мучатся, пытаясь оторвать ноги от трясины. Детские же ноги и резвы и свободны. Петька добежал до алмазного шара и, всхлипнув от радостного смеха, охватил его руками. Шар обдал Петьку дождем сверкающих брызг. Вот и весь сон Петьки. От удовольствия Петька расхохотался в ночи. И ему весело стрекотал сверчок за печкой. Петька стал видеть иные, но тоже легкие и радостные сны, а сверчок пел и пел свою песню, где-то в щели в белом углу и за ведром, <всю>* бормочущую ночь в семье во флигеле.

Снаружи ночь расцветала и расцветала. Во второй половине ее вся тяжелая синева, занавесь Бога, облекающего мир, покрылась звездами. Похоже было, что в неизмерной высоте за этим синим пологом у царских врат служили

* В машинописи пропущено слово.

всенощную. В алтаре зажигали и зажигали огоньки, и они проступали на занавесе отдельными трепещущими огнями, и целыми крестами, кустами и квадратами. Над Днепром с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла — слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч.

Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Звезды будут так же неизменны, так же трепетны и прекрасны. Нет ни одного человека на земле, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим мира, не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?

Конец.

Содержание

<i>И. Н. Сухих.</i>	
<i>Гибель Дома: первый роман Булгакова</i>	<i>3</i>
Белая гвардия	7
<i>Комментарии</i>	<i>316</i>